

Научная статья

УДК 94(47)“1801/1867”

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.59.13

Геополитический вызов и имперский ответ: механизмы стабилизации Оренбургского пограничья в контексте российско-казахских отношений (1801—1867 гг.)

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан, prohorov1974@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5952-3867>

Аннотация. В статье исследована роль казахов Младшего жуза (после отмены ханской власти в 1824 г. — казахи Малой орды) в центральноазиатской политике Российской империи. На основе анализа архивных материалов показано, что продвижение России в глубь региона было не только реализацией экспансионистских планов, но и вынужденной реакцией на дестабилизацию пограничья со стороны Хивинского и Кокандского ханств. Рассмотрены механизмы защиты казахов от притеснений ханств, вопросы обеспечения экономической безопасности и легитимизации военной силы как единственного оставшегося инструмента наведения порядка. С использованием архивных материалов Оренбургской пограничной комиссии и Генерального штаба показано, как кочевое население степного пограничья превращалось из объекта политики в активного участника геополитического противостояния России с Хивинским и Кокандским ханствами. Раскрыты механизмы привлечения казахской знати и родоправителей из простых казахов на российскую службу, предотвращения межродовых конфликтов, роль казахов в обеспечении успехов имперских походов.

Ключевые слова: Россия, Младший жуз, казахи, Оренбург, Хива, Коканд, В. А. Перовский, Центральная Азия.

Для цитирования: Прохоров И. Р. Геополитический вызов и имперский ответ: механизмы стабилизации Оренбургского пограничья в контексте российско-казахских отношений (1801—1867 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 3 (59). С. 201—219. URL: https://vestospu.ru/archive/2026/articles/59/13_59_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2026.59.13.

Original article

Geopolitical Challenge and Imperial Response: Mechanisms for Stabilizing the Orenburg Borderland in the Context of Russian-Kazakh Relations (1801—1867)

Igor R. Prokhorov

National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, prohorov1974@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5952-3867>

Abstract. The article examines the role of the Junior Zhuz Kazakhs (after the abolition of khan power in 1824 — the Orenburg Kazakhs) in the Central Asian policy of the Russian Empire. Based on the analysis of archival materials, the author argues that Russia's advancement deep into the region was not only an expansionist plan but also a forced reaction to the destabilization of the borderlands by the Khiva and Kokand Khanates. The study examines the mechanisms for protecting the Kazakhs from the oppression of the khanates, issues of ensuring economic security, and the legitimization of military force as the only remaining tool for restoring order. Drawing on archival records from the Orenburg Border Commission and the General Staff, the author analyzes

© Прохоров И. Р., 2026

how the nomadic population of the steppe frontier transformed from an object of policy into an active participant in the geopolitical confrontation between Russia and the Khiva and Kokand Khanates. The article also reveals mechanisms for recruiting the Kazakh nobility into Russian service, preventing inter-clan conflicts, and the role of the Kazakhs in ensuring the success of imperial campaigns.

Keywords: Russia, Junior Zhuz, Kazakhs, Orenburg, Khiva, Kokand, V. A. Perovsky, Central Asia.

For citation: Prokhorov I. R. Geopolitical Challenge and Imperial Response: Mechanisms for Stabilizing the Orenburg Borderland in the Context of Russian-Kazakh Relations (1801—1867). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 3 (59), pp. 201—219. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.59.13>.

Введение

Продвижение России в Центральную Азию было неотъемлемой частью стратегии стабилизации южных границ империи, обеспечения торгово-экономических интересов государства и защиты своих подданных — казахов. Проблема интеграции центральноазиатского региона в состав Российской империи на протяжении полутора веков остается в центре внимания исследователей. При этом авторы, принадлежавшие к различным историографическим школам, по-своему интерпретировали цели и характер российской экспансии, нередко давая прямо противоположные оценки происходившим событиям.

Для исследователей XIX — начала XX века было характерно рассмотрение политики России как «цивилизаторской миссии» и необходимости обеспечения безопасности границ. Наиболее ярким и фундаментальным представителем этого направления был генерал-лейтенант М. А. Терентьев. Он детально описал военные операции и дипломатические маневры, противопоставляя «бескорыстную» политику России «алчным» интересам Великобритании. Для сторонников этой позиции продвижение в Степь и ханства — это прежде всего водворение законности и прекращение разбоев [29].

В то же время дореволюционные исследователи старались объективно показать ситуацию в регионе, в том числе ошибки и просчеты российской политики [5].

Российский офицер-ученый и казахский султан Чокан Валиханов одним из первых стал продвигать идею о необходимости присоединения казахов к высокоразвитой России в противовес их нахождению в составе центральноазиатских государств, пришедших в полнейший упадок [3].

Советский период внес радикальные изменения в оценку ситуации, опираясь на марксистско-ленинскую теорию и классовый подход. Родоначальник этой школы М. Н. Покровский подверг жесткой критике «буржуазную» историографию, трактуя действия империи исключительно как завоевательную и колонизаторскую политику [22]. Затем советская концепция подверглась трансформации в сторону прогрессивного значения присоединения [30].

Зарубежная наука традиционно рассматривала события в Центральной Азии в контексте глобального англо-русского соперничества. Одним из наиболее авторитетных современных специалистов в этой области признан П. Хопкирк. В западном дискурсе акцент смещен на русскую угрозу Индии и имперские амбиции Петербурга, зачастую игнорируются внутренние причины дестабилизации региона [32].

Одним из ключевых авторов западной (англо-американской) исторической школы второй половины XX века выступает Э. Аллворт. Он подчеркивает, что необходимость защиты купеческих караванов от степного произвола и высоких пошлин в ханствах служила для Петербурга обоснованием военного присутствия. Политическое доминирование позволяло России искусственно ограничивать доступ британских товаров на рынки Центральной Азии, создавая монопольную зону для российской промышленности. Аллворт полагает, что стремление превратить регион в безопасный мост для транзитной торговли было мощным стимулом для системного расширения имперских границ [1].

Тема отношений России со странами Центральной Азии остается актуальной и в наши дни. Современный российский историк Р. Ю. Почекаев исследует хивинский фактор в российско-казахских отношениях, причины принятия хивинского подданства казахскими аристократами [23]. Российский историк Д. В. Васильев изучает вопросы российско-хивинских отношений и пишет о планах империи по закреплению на территории Младшего жуза [4].

Анализ представленных работ показывает, что, несмотря на колоссальный объем накопленного фактического материала, в мировой историографии до сих пор доминирует центристский подход. При этом роль казахов как активных субъектов и самостоятельного фактора в регионе до сих пор не стала предметом отдельного глубокого исследования. Данный пробел представляется критическим, так как без понимания роли казахских родов, их участия в логистике, разведке и политических союзах невозможно составить объективную картину интеграции региона в состав Российской империи.

Целью исследования является реконструкция исторической логики действий Российской империи в Центральной Азии как ответственности государства за безопасность своих подданных (казахов и русских), анализ механизмов, позволивших стабилизировать регион в условиях противодействия со стороны государств Центральной Азии.

Задачи исследования: на основе архивных данных показать системный характер угроз (пленение, грабежи, набеги), исходивших от Хивы и Коканда в отношении казахов Младшего жуза; раскрыть содержание «хивинского вопроса» как проблемы недипломатичности и вероломства ханств, сделавших невозможным мирное развитие; оценить гуманитарные и административные меры России (продовольственная помощь, примирение родов) как инструмент реальной защиты казахов; обосновать переход к военной силе как к вынужденному средству; показать активную самостоятельную роль казахов в обеспечении успешного продвижения России в Центральную Азию.

Хронологические рамки работы охватывают 1801—1867 гг. — от первых попыток системного освоения Россией рынков Центральной Азии и привлечения служившей Коканду и Хиве казахской знати на свою сторону до закрепления России в Туркестане.

В работе использованы различные методы исследования. Историко-объективистский метод положен в основу анализа фактов притеснений казахов со стороны ханств. Метод сравнительно-правового анализа был применен для сопоставления подходов России и ханств к казахам, аксиологический (ценностный) подход — для анализа морально-этической мотивации действий имперской администрации и казахов, а метод микроисторического анализа — при изучении биографии конкретной личности (Баймухамеда Маяева), что позволило показать большую политику через частные судьбы и локальные конфликты.

Научная новизна исследования заключается в том, что внимание акцентируется на вынужденном характере имперской экспансии как ответе на системную дестабилизацию российских границ центральноазиатскими ханствами. Такое осмысление истории взаимоотношений государств и народов в Центральной Азии позволяет увидеть в действиях России XIX века попытку построения системы безопасности в регионе.

Источниковую базу исследования составили ранее неиспользованные материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). В частности, проанализированы документы фонда 1021 графов Перовских, свидетельствующие о союзе казахской знати и российской администрации в борьбе с Кокандом и Хивой [26]. Ключевую роль для понимания ситуации в регионе и роли казахов в противостоянии империи с центральноазиатскими государствами сыграл анализ документов фонда Ф-6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора (1771—1881)» Объединенного государственного ар-

хива Оренбургской области» (ОГАОО). В частности, объективному пониманию ситуации в регионе способствует архивное дело «Записка о событиях в среднеазиатских владениях коллежского асессора Осмоловского» [19]. Дополнительно использованы сборники документов, освещающие события той эпохи, в частности «Сборник материалов для завоевания Туркестанского края», составленный полковником А. Г. Серебренниковым [27].

Результаты исследования

К началу XIX века Россия вследствие войн с Францией столкнулась с торговыми ограничениями в Европе, закрытием европейских рынков для своей продукции. В этих условиях особое значение приобрел вопрос развития торговли со странами Центральной Азии.

Продвижение Российской империи в Центральную Азию привело к борьбе с государствами региона за контроль над ключевыми транзитными узлами и торговыми магистралями. Весомым игроком, обладавшим значительным военным потенциалом и выгодным географическим положением, была Хива.

Хивинский вопрос служил главным барьером для продвижения России в глубь Центральной Азии, представляя собой наиболее острую угрозу ее торговым и геополитическим интересам. Поиск путей решения этой проблемы стал одной из фундаментальных задач азиатского вектора внешней политики империи.

Для упрочения своих позиций Россия активно привлекала на свою сторону казахскую знать, кочевавшую на границах с центральноазиатскими государствами и зачастую находящуюся в зависимости от их владетелей. Впрочем, и сами казахские аристократы использовали авторитет и должности, получаемые от России, для укрепления своей власти над родовыми подразделениями.

К примеру, в ОГАОО сохранилось дело об утверждении казахского султана Абулгазы управляющим адаевского рода в 1816 г. [10]. В нем говорится, что влиятельный в Младшем жузе султан Арунгазы Абулгазиев ходатайствовал перед Оренбургской пограничной комиссией (далее — ОПК) об утверждении сына покойного хана Пирали — Абулгазы управляющим адаевским родовым отделением, находившемся в роде байулы [10, л. 2]. ОПК ответила, что Абулгазы и брат его Давлетгалий по просьбе другого влиятельного султана Младшего жуза Каратая Нуралиева уже утверждены управителями туркмен-адайского родового подразделения в августе 1815 г. [10, л. 2 об.].

Крепкие хозяйственные и культурные связи казахов с Хивой не означали безопасности в регионе, соблюдения прав и интересов казахов. Хивинский хан Мухаммед Рахим трижды (в 1812, 1816 и 1820 гг.) подвергал кочевья присырдарьинских казахов страшному разгрому. Наиболее разорительным был поход 1820 г., когда было убито несколько сот казахов, уведена в плен тысяча женщин, угнано 65 тыс. баранов и 7 тыс. лошадей [2, с. 153]. Следующий хан Алла-Кул возобновил длительные войны с казахами. В 20—30-е гг. XIX в. под власть Хивы перешли часть чиклинского, табынского, торткаринского, байулинского казахских родов [2, с. 153]. Для упрочения своего влияния Хива возбуждала ненависть между казахскими родами [2, с. 155].

Характерные примеры тех лет комендант Орской крепости подполковник Дмитрий Исаев представил начальнику штаба Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майору Ивану Мистрову. Он основывал их на показаниях казаха джагалбайлинского рода бузбетского отделения Байсадака Казанбаева о грабежах, убийствах и пленении хивинцами 4 апреля 1831 г. казахов чумекеевского рода (в современной транскрипции — род шомекей) [11, л. 1].

Выяснилось, что вместе с хивинцами чумекеевцев грабили казахи бакчакского и карасакальского отделений рода торткары. Эти отделения состояли под началом султана

Манумбая Шыргазыева, сына умершего в Хиве султана Ширгазыя Каипова, бывшего ранее майором на российской службе, но перешедшего на службу к хану. Казахи эти считали себя подданными хивинского хана и способствовали ему в увеличении числа данников [11, л. 16].

Таким образом, Россия столкнулась в регионе с широкомасштабной межродовой враждой казахов. При этом одна часть из них считала себя подданными хивинского хана, другая — достаточно формально — подданными России. Без прекращения этих межродовых столкновений нечего было и думать об упрочении влияния России в Центральной Азии.

Политическая стратегия хивинских ханов в отношении Младшего жуза опиралась на систему управления через лояльных представителей казахской аристократии — чингизидов. Однако традиционный сакральный статус «белой кости» не гарантировал претендентам признания в кочевой среде. Наличие конкурирующих ставленников неизбежно вело к дестабилизации региона. Казахские роды, формально подчинявшиеся разным ханам-вассалам Хивы, пребывали в состоянии перманентной междоусобицы. Конфликты вспыхивали не только внутри этнических групп, но и перерастали в открытые столкновения с другими подданными ханства — туркменами и каракалпаками. Незаконность власти хивинских ставленников подчеркивалась абсолютным произволом хивинских правителей. Чингизид, которого Хива утверждала казахским ханом, в любой момент мог превратиться в опального узника или лишиться жизни. Так, среди казахов упорно циркулировали слухи об отравлении Ширгази Каипова, протеже Хивы среди западных казахов, по секретному распоряжению хана. Схожая участь, хотя и без летального исхода, постигла его тезку Ширгази Айшуакова: в 1830 г. специальным фирманом хивинского правителя он был лишен статуса хана сразу после того, как предпочел вернуться к русским [23, с. 149].

Прибывший из Бухары в Орскую крепость казах джагалбайлинского рода бузбетского отделения Байсадак Казанбаев в мае 1832 г. рассказал русским, как встретил на реке Янадарье массу совершенно разграбленных хивинцами казахов чумекеевского рода бакачинского, балкинского, аюпского, срымского и касеевского отделений [11, л. 9 об.]. По его словам, на реке Кувандарье он тоже встретил ограбленных хивинцами казахов тех же родов. Среди них было много убитых, большую часть женщин хивинцы увели в плен. Оставшиеся оказались без пропитания и одежды, нигде не могли найти себе прибежища [11, л. 10]. Было разграблено 600 аулов [11, л. 35 об.]. Причиной грабежа стал отказ чумекеевцев платить хивинскому хану зякет [11, л. 10 об.].

Другой казах-купец чумекеевского рода тукинского отделения Бакырча, сын старшины Темира, в это же время сообщил орскому коменданту Дмитрию Исаеву о набеге, совершенном на его род хивинцами и казахами рода торткары бакчакского и карасакальского отделений под руководством султана Джангазы Шыргазыева [11, л. 24].

Межродовая вражда и отсутствие порядка в степи настигли и самого Бакырчу. По дороге к пограничной линии, в 30 верстах от нее, в местности Сарыбулак на него с товарищами напали казахи чиклинского рода отделения назар под начальством Сасана Алчинбаева и Уялы Утягупова. Они ограбили путников, забрали у них лошадей и товаров на 5 тыс. рублей. Пострадавшие пешком пришли в аулы джагалбайлинского рода бузбетского отделения, где им дали одежду и кров. Затем вместе с пятью товарищами Бакырча отправился в Орск [11, л. 25].

Иван Мистров поручил ОПК защитить ограбленных чиклинцами чумекеевцев и сообщить ему об исполнении [11, л. 27]. ОПК возложила это поручение на исправляющего должность правителя Средней части орды султана Юсупа Нуралиева. Ему предписали

провести расследование и, если претензия окажется справедливой, взыскать с виновных за грабеж, доставить их на линию, чтобы поступить с ними по закону [11, л. 29]. Нуралиев не смог исполнить этого поручения. Тогда эту задачу поставили перед новым исправляющим должность правителя Средней части орды Арасланом Джантюриным [11, л. 40 об.]. Однако виновные так и не были найдены, а дело окончательно закрыли спустя 20 лет в 1851 г. [11, л. 29].

Из письма оренбургского военного губернатора В. А. Перовского вице-канцлеру России К. Нессельроде от 5 мая 1836 г. следовало, что хивинцы всеми средствами подстрекали казахов к вражде против России. Хива рассылала в степь мулл, которые разъясняли казахам, что тем не будет спасения, если они не станут заклятыми врагами русских. Хивинцы подстрекали казахский род адай к похищению русских с побережья Каспия, признали ханом казахов восставшего против русских султана Каип-Галия. Хивинцы убеждали, что пойдут на Россию войной, будут вешать и резать каждого казаха, который их не поддержит [12, л. 34 об.].

Перовский при этом ссылался на записку российского разведчика Яна (Ивана) Виткевича. Виткевич провел зиму в степи, чтобы вызволить русского пленника. В результате ему удалось вырвать россиянина из рабства у казахов и привезти в Оренбург. До этого, по сложившимся обстоятельствам, Виткевичу пришлось прожить 45 дней в Бухаре. Согласно выводам разведчика, Центральная Азия не могла существовать без русских товаров по крайней мере до тех пор, пока эти товары не будут заменены английскими. Англичане уже принимали все меры, чтобы добиться этой цели. Российская торговля и влияние в Малой орде находились в упадке из-за противодействия Хивы [12, л. 35].

При этом Хива, Коканд и Бухара настойчиво стремились к расширению своей торговли с северным соседом, находя ее наиболее удобной и выгодной для своих интересов. Однако соблюдать интересы России или хотя бы торговать с ней на равноправных началах они не собирались, считая себя неуязвимыми для русского оружия за казахскими степями [12, л. 32].

Причину неудач В. А. Перовский видел в правилах российского правительства, как он писал, «великодушно снисходить ко всяким дерзостям владельцев Средней Азии». Хивинцы, указывал губернатор, постоянно позволяли себе грабежи, увод русских людей в рабство, всякого рода притеснения, поскольку считали Россию бессильной. Хивинцы, по его словам, грабили подвластных казахов и собирали с них дань в каких-нибудь 350 верстах от пограничной линии. Казахи при этом тщетно плакали и жаловались русским, которые не могли их защитить. Поэтому Перовский предложил правительству покончить с хивинскими разбоями на Каспийском море, захватывать злонамеренных проповедников в степи и арестовывать на пограничных линиях хивинских купцов с товарами [12, л. 35 об.].

В августе 1836 г. император Николай I разрешил Перовскому взять под стражу хивинских купцов с товарами на пограничной линии. Хивинцев решили задержать не только на Оренбургской, но и на Сибирской линии, а также в Астрахани. Сделать это планировалось осенью 1836 г., в тот момент, когда одна часть купцов прибудет в российские пределы с караванами, а другая будет возвращаться с Нижегородской ярмарки через пограничные линии домой. Предполагалось, что после этого Перовский сообщит о задержании торговцев хивинскому хану своим письмом. До этого план держали в глубокой тайне. Последующее освобождение купцов связывали с возвращением русских пленных из Хивы, которых там насчитывалось более 3 тысяч, и получением от хана обещания прекратить вражду против России [12, л. 47 об.].

Чтобы торговля не прерывалась, всех других купцов из азиатских стран предполагалось уверить, что задержания будут распространяться только на хивинских купцов [12, л. 50 об.]. Именной список задержанных хивинских купцов, приказчиков и работников, опись отобранного имущества должны были отправить оренбургскому военному губернатору, на которого возлагались дальнейшие распоряжения и объяснения с хивинским правительством.

Император Николай I план задержания хивинцев на Сибирской, Оренбургской линиях и в Астрахани одобрил [12, л. 51].

Наконец, оренбургский военный губернатор В. А. Перовский сообщил вице-канцлеру К. Нессельроде, что высочайше утвержденное положение Азиатского комитета МИД (от 21 июля 1835 г.) о задержании хивинцев приведено в исполнение в Оренбурге 20 августа 1836 г. На Оренбургском меновом дворе было задержано 372 хивинских купца с товарами на сумму в полмиллиона рублей. Задержание произошло в тот момент, когда, навьючив верблюдов, хивинцы уже отправлялись домой [12, л. 55].

Перовский предположил, что без российской торговли Хива будет вынуждена скоро смириться, прекратить вражду и выдать русских пленных. При этом казахи начали закупать русские товары, чтобы везти их в Хиву, стали посредниками в русско-хивинской торговле [12, л. 55 об.].

После этих событий, 18 сентября 1836 г., Перовский написал письмо хану Хивы Алла-Кулу. В нем он обвинил его в удержании русских пленников, воровстве людей и разбоях. Губернатор напомнил: хивинцы грабят и притесняют русских подданных — казахов, назначают своих ханов в Младший жуз, несмотря на то что казахи уже более ста лет находятся в подданстве России. Далее он написал, что ни один русский купец не смеет показаться в Хиве, «там их встречают ножом или кандалами». Между тем хивинские купцы свободно разъезжали по всему Российскому государству без каких-бы то ни было притеснений [12, л. 59 об.].

Перовский объявил хану о задержании хивинских купцов и указал, что если тот захочет их освободить, то должен отпустить всех русских пленников, вести себя мирно и дружелюбно, дать права российским купцам в Хиве, не вмешиваться в управление казахского народа. До исполнения этих требований любые переговоры с Хивой Перовский вести отказался [12, л. 60 об.].

Спустя два месяца, не получив от хана ответа, Перовский разрешил бухарским караванам отправиться из Оренбурга в Хиву [12, л. 73].

Наконец, с обратным бухарским караваном пришел ответ от Алла-Кула. Он согласился отпустить пленников, если русские уничтожат свое Ново-Петровское укрепление на полуострове Мангистау (Мангышлаке) [12, л. 75 об.]. Однако российский переводчик заявил, что в письме, переданном ханом через купца Кабылбая, об освобождении всех пленников ничего не говорилось [12, л. 77].

Тем не менее письмо хана было передано императору Николаю I. В ответе, подготовленном вице-канцлером от имени императора, говорилось, что одно письмо хана к оренбургскому военному губернатору писано в самых неприличных грубых выражениях, а второе — от имени хана — неизвестно для кого написано. Вице-канцлер, видимо не желая прерывать переговоры, посчитал, что это произошло от незнания ханом оренбургского военного губернатора. Тем не менее император Николай I потребовал от хивинского хана возвратить всех русских пленников в течение 120 дней, а также строго запретил хивинцам покупать и удерживать у себя русских пленников. Кроме того, Николай I поставил хивинцам условие не вмешиваться в дела присырдарьинских казахов, не устраивать между ними распри и не направлять их против России. Только после этого император соглашался отпустить хивинских купцов [12, л. 125].

Следующее письмо от хана Хивы пришло председателю ОПК Г. Ф. Генсу. В нем сообщалось, что все русские пленники будут отпущены [12, л. 130 об.].

События осени 1838 г. стали новой вехой в затяжном противостоянии России с Хивинским ханством. 18 ноября вместе с бухарским караваном в Оренбург вновь прибыл хивинский посланник Кабылбай. С ним вернулись 25 русских, вызволенных из многолетнего рабства. Однако радость была омрачена: все возвращенные провели в неволе по 30—40 лет, а один — целых 55. По циничным меркам хивинских властей, это были люди ни к чему не годные, старики, чей трудовой ресурс был полностью исчерпан. Посланнику хана Кабылбаю вновь и письменно, и устно было заявлено: задержанные в России хивинцы не получают свободы до тех пор, пока на родину не вернутся абсолютно все русские пленники. Дипломатические подарки хана были демонстративно отвергнуты, а товары двадцати купцов из свиты посланника возвращены обратно под печатями, без права продажи. В качестве ответного жеста доброй воли за 25 возвращенных русских Оренбург освободил пятерых хивинцев, вернув им все имущество [29, с. 112].

В августе 1839 г. Хива предприняла более масштабный маневр: прибыли новые посланники, на этот раз с 80-ю русскими пленными. Среди них были 32 рыбака, захваченных на Каспии совсем недавно, весной того же года. Хан преподнес этих людей императору Николаю I как подарок, назвав их своей законной долей из добычи морских разбойников. Истинная причина такой щедрости крылась не в гуманизме, а в страхе: хивинцы узнали о строительстве русских укреплений на реках Эмба и Ак-Булак. Эти форты должны были стать опорными пунктами для готовящегося военного похода в Хиву [29, с. 113].

Хива продолжала вредить русским. В феврале 1839 г. Перовский сообщил в Генеральный штаб, что все сведения, получаемые из степи, подтверждали открытую вражду хивинцев, которые восстанавливали казахов против русских. Так, сподвижник Исатая Тайманова (руководил восстанием против хана Внутренней орды Джангира) Мохаммед Утемисов в 1839 г. рассылал по Младшему жузу агитационные письма, требуя именем хивинского хана, чтобы казахи «отложились» от русских и откочевали в Хиву [25, л. 65].

Цель планируемой экспедиции Перовского в Хиву была предельно ясной: принудить хана выдать всех пленных, обеспечить безопасность и свободу русской караванной торговли, заставить прекратить настраивать казахов против русских. Однако хивинский правитель вел двойную игру. Давая обещания и отправляя одно посольство за другим, он параллельно подстрекал казахов к новым набегам на российскую границу. В том же 1839 г. хивинцами на Каспийском море были захвачены еще 150 русских рыбаков. Расчет хана был прост: захватить как можно больше заложников, чтобы иметь резерв для обмена на своих подданных без ущерба для невольничьих рынков [29, л. 114].

Дело шло к прямому военному столкновению России с Хивой. Однако скудость разведанных и слабая изученность региона препятствовали формированию в России дальновидного плана войны. В хранящемся в РГВИА отчете Генерального штаба говорится, что отсутствие выверенного плана и недооценка климатических вызовов (экспедиция была организована зимой и плохо подготовлена) привели к неудаче первого Хивинского похода В. А. Перовского в 1839 г., большим потерям русских войск [24, л. 8].

Поход длился с 24 ноября 1839 г. по 8 июня 1840 г., войска повернули назад, так и не добравшись до Хивы. «Потери составили 1054 человека убитыми, 604 солдата заболели цингой, многие из которых скончались уже в госпитале в Оренбурге» [7, с. 127]. Таковы неполные данные потерь.

В феврале 1840 г., во время зимнего похода, Перовский писал вице-канцлеру Несельроде, что воины перенесли все трудности этого необыкновенного похода хорошо, но верблюды, истощенные бескормицей, глубокими снегами и жестокой стужей, валились

сотнями в день. Ввиду невозможности взять самое необходимое количество продовольствия пришлось отступить [27, с. 58]. Перовский сетовал, что вся скотина в казахской степи от необычайно холодной зимы пострадала, набрать несколько сот верблюдов у казахов чрезвычайно трудно [27, с. 67].

При этом отряд корнета Аитова, следовавший к Перовскому с верблюдами, собранными у казахов, был задержан казахами адаевского и других родов, которые планировали продать русских в Хиву. Такие случаи не были единичными [27, с. 52]. Более того, воспользовавшись уходом русских войск в поход, казахи подняли восстание [27, с. 183]. 9 сентября 1840 г. они напали на казаков Атбасарского отряда [27, с. 208].

Таким образом, часть казахов Младшего жуза способствовала катастрофическому исходу первого Хивинского похода Перовского. Однако репрессий по отношению к ним не последовало. 30 декабря 1840 г. вышел приказ по Оренбургскому отдельному корпусу «О всемилостивейшем прощении Киргизов (казахов. — *И. П.*), увлеченных хивинским ханом и временно изменивших присяге» [27, с. 262].

Несмотря на неудачи, уже в 1840 г. император Николай I проявлял особую настойчивость в вопросе незамедлительного возобновления военной кампании. Самодержец распорядился занять полуостров Мангистау на восточном побережье Каспия. Вопреки решению монарха, генерал-адъютант В. А. Перовский не спешил с организацией новой экспедиции. По его мнению, столь масштабной цели невозможно было достичь одним ударом. Успех требовал долгосрочных усилий, колоссальных ресурсов и, что наиболее важно, фундаментального знания географии Приаралья, восточного побережья Каспия. 4 мая 1840 г. Николай I официально утвердил решение об отсрочке нового выступления на Хиву на неопределенный период [4].

На фоне этих событий большое внимание России стал привлекать Коканд. Оренбург в 50—60-е гг. XIX в. занял первое место по привозу в него товаров. Однако и здесь торговля была неравноправной. Кокандские купцы, к примеру, играли роль основного посредника в торговле России с Западным Китаем, используя старые связи и кредиты, не допускали к торговле русских купцов [9, с. 55].

Исследователь М. Галкин в 1858 г. подтвердил данные Перовского 1830-х годов о крайне неблагоприятной для России конъюнктуре в центральноазиатской торговле. По его сведениям, инициатива полностью перешла к центральноазиатским коммерсантам, которые фактически монополизировали товарообмен. Они не только закупали российскую продукцию непосредственно у производителей в России для дальнейшего сбыта в Азии, но и контролировали поставки восточных товаров на российский рынок [21, л. 60].

Подобное положение дел порождало двойное неравенство. Во-первых, основная торговая маржа оседала в карманах иностранных купцов. Во-вторых, сложилась парадоксальная ценовая ситуация: в то время как российский потребитель приобретал азиатские товары по завышенным ценам, русская продукция обходилась жителям ханств максимально дешево [21, л. 61].

Галкин выделил два ключевых фактора, определивших такой исход. С одной стороны, избыточный протекционизм, который российское правительство оказывало иностранным торговцам, с другой — крайняя враждебность самих ханств. Итогом стал полный уход православных российских купцов из региона к 1852 г. Торговые операции либо прекратились вовсе, либо стали осуществляться через казахов, казанских татар [21, л. 62].

Для исправления этого критического и, по выражению Галкина, унижительного положения предлагались две радикальные меры. Первая заключалась в дипломатическом давлении на ханства с требованием уравнивать торговые пошлины для христиан и мусульман. Вторая мера носила протекционистский характер: предлагалось законодательно запре-

тить иностранным торговцам вести дела во внутренних губерниях России. Нужно было локализовать их деятельность исключительно в пределах пограничных линий на специализированных меновых дворах Оренбурга, Троицка, Петропавловска, Уральска, Орска, Гурьева и Верхнеуральска [21, л. 64].

В таких условиях особое значение для успехов России приобретала поддержка со стороны казахов. Беспрецедентная жестокость хивинцев, постоянные набеги и грабежи давали надежды на успех в этом деле. Так, кочевавшие на Устюрте (восточное продолжение полуострова Мангистау) бии адаевского рода 14 сентября 1848 г. прислали к председателю ОПК своего доверенного человека Худайбергена Токманова с просьбой разрешить им перейти в российские пределы и согласием платить кибиточный сбор. Адаевцы также просили прикомандировать к ним русского чиновника [13, л. 1].

ОПК командировала в глубь степи войскового старшину султана Мухамед-Гали Тяукина и находящегося при комиссии коллежского секретаря Азиатского департамента МИД Осмоловского для отвода просителям кочевков и разбирательства претензий к другим родам правителя Западной части орды [13, л. 1 об.].

При этом оренбургский военный губернатор В. А. Обручев запретил посылать русский военный отряд на Устюрт, чтобы не портить отношения с хивинцами. К открытому столкновению с ними Россия была еще не готова. Переговоры с адаевцами, пояснял губернатор, можно вести, если они кочуют по правую сторону Эмбы, т.е. в русских пределах [13, л. 3 об.]. Адаевцам-просителям все-таки нарежали кочевки [13, л. 7].

Такие примеры были нередки. В выписке из донесения полковника Николая Беклемишева об осмотре им в 1850 г. Ново-Петровского укрепления на полуострове Мангистау у мыса Тюб-Караган (сейчас — город Форт-Шевченко в Казахстане. — *И. П.*) выяснилось, что его гарнизон общался с местными казахами как нельзя лучше. Казахи постоянно жаловались русским на притеснения хивинского хана, который с них собирал большие подати, и просили передать оренбургскому военному губернатору просьбу защитить их, взять под покровительство [13, л. 1]. Местные казахи также просили назначить им особого правителя из русских чиновников, который собирал бы с них кибиточный сбор в пользу России, чтобы не платить зякет Хиве [13, л. 1 об.].

Важное значение в успехе противостояния России с государствами Центральной Азии имело привлечение на свою сторону родоправителей казахского рода адай, кочевавших в Мангистау. Характерны в этом отношении успехи на русской службе старшины отделения мугал этого рода Баймухамеда Маяева. Так, вышеупомянутый полковник Беклемишев обратился к Оренбургской пограничной комиссии с ходатайством о награждении Баймухамеда Маяева за преданность российскому правительству [14, л. 2 об.].

Ранее Маяева, кочевавшего с сородичами близ Ново-Петровского укрепления, планировали наградить золотой медалью. Об этом ходатайствовал комендант Ново-Петровского укрепления майор Усков [17, л. 3]. Маяев получил должность местного начальника — старшины за услуги и преданность Российскому правительству, а также за особенно сильное положительное влияние на своих однородцев. Он получал жалованье дистанционного начальника первого разряда — 15 руб. серебром в год [17, л. 6 об.]. Маяев был представлен к награде на том основании, что в 1855 г. он был единственным адайским родоправителем, который собирал подати в пользу России. Все остальные родона начальники платили их хивинскому хану [17, л. 6 об.].

До избрания русскими местным начальником бий Баймухамед Маяев тоже считался подданным хивинского хана и получал от него подарки: парчу на кафтан, нож в серебряной оправе (знак власти), серебряную именную печать и шапку [17, л. 9 об.].

Затем, перейдя на русскую службу, от хивинских подарков он отказался. За такую честность и принципиальность, за то, что служил России не за страх, а за совесть, он был представлен к золотой медали [17, л. 10]. Предполагалось, что эта награда даст Маяеву преимущество. Ведь остальные старшины, служившие хивинскому хану, не имели к Маяеву уважения и тем самым препятствовали ему во взимании с адаевцев кибиточного сбора [17, л. 10 об.].

Оренбургская пограничная комиссия для поддержания авторитета Баймухамеда Маяева наградила его суконным кафтаном с золотым галуном, кинжалом, который стоил 15 руб. серебром [17, л. 18 об.]. В 1839 г. указанный старшина по представлению оренбургского военного губернатора Перовского был награжден пятью аршинами сукна, такую же награду он получил в 1841 г. [24, л. 4]. В 1848 г. Маяеву вручили похвальный лист за усердие при захвате 10 туркмен и одного хивинца, незаконно собиравших с казахов зякет. Затем, находясь по делам службы в Хиве, он был задержан ханом за измену, но через несколько месяцев выкуплен соплеменниками за 100 лошадей и 180 кошм. Таким образом, его авторитет в народе был несомненным. После возвращения к Новопетровскому укреплению он получил от ОПК золотой перстень с эмалью и похвальный лист. В октябре того же года был награжден серебряной медалью на Анненской ленте для ношения на шее и 30-ю рублями серебром за содействие в освобождении из плена двух астраханских рыбопромышленников [14, л. 4 об.].

ОПК постановила еще раз наградить старшину Маяева после того, как он посодействует решению споров между адаевцами и казахами других родов на Мангыстау [14, л. 5 об.].

Новая награда пришла к Маяеву и за другие заслуги. Так, преодолев немало трудностей, он доставил верблюдов для перевозки грузов русским топографическим отрядам, находившимся на Устюрте и полуострове Бузачи. Затем он сопровождал отряд советника ОПК Костромитинова, который на полуострове Мангыстау мирил адаевцев и туркмен, обеспечил его верблюдами. За это 18 декабря 1851 г. ОПК представила его к награждению чином хорунжего [14, л. 7 об.].

Для укрепления власти России в регионе необходимо было не только заручиться поддержкой казахских родоправителей, но и прекратить междоусобицы казахов, которые в немалой степени поддерживались Хивой и Кокандом.

Так, в апреле 1851 г. султан-правитель Западной части орды сообщил ОПК, что казахи рода тлеу-кабак под предводительством Дарыя, сына известного в степи батыра Исета Кутибарова, напали в Каракумах на прикочевавших с полуострова Мангыстау казахов родов адай, иссык и таз. Было разграблено 10 аулов адаевцев, принадлежавших бию Юлдашбаю Даулбаеву, 3 аула иссыкцев, 2 аула рода таз, угнано более 200 верблюдов, 100 лошадей. В плен забрали двух женщин и двух девушек [15, л. 1].

После этого казахи чумичли-табынского рода в количестве 60 человек под предводительством батыров Майранбая и Тоиктаса напали на два аула рода таз бия Бардебиса. Они угнали более 200 лошадей, 50 верблюдов, убили трех человек из рода таз и одного из рода иссык. ОПК поручила войсковому старшине султану-правителю Западной части орды задержать виновных в ограблении адаевцев рода таз и иссык убийц, вернуть пленниц, словом, восстановить справедливость. Однако это удавалось не всегда [15, л. 1 об.].

В межродовых столкновениях казахов русским трудно было разобрать, кто им друг, а кто враг, понять истинные намерения их участников. К примеру, в ОГАОО сохранилось дело 1852—1854 гг. «О прикочевании в наши (подвластные России. — *И. П.*) степи биев Бухарбая Истякбаева и Сеила Байкадамова с большим числом киргизов (казахов. — *И. П.*) в подданство России» [16]. Среди документов этого дела — сообщение султана-

правителя Средней части Орды о письме к нему Сеила, сына бия чумичли-табынского рода Байкадама Агайдарова, и его родственников Бухарбая, Касымбая, Ирюбия, в котором они извещали, что вследствие вражды с Ак-Мечетью (крепость Кокандского ханства, ныне — город Кызыл-Орда в Казахстане) собираются откочевать на подвластные России территории [16, л. 1].

Султан-правитель напомнил ОПК, что в 1844 г. Байкадам Агайдаров приезжал в Оренбург с просьбой простить его за прежние связи с мятежником Кенесары Касымовым. В Оренбурге он принял присягу на подданство России и обязался мирно кочевать в Средней части орды по реке Илек [16, л. 1 об.].

Однако в 1846 г. Байкадам откочевал служить Коканду, и до 1849 г. о нем не было слышно. В 1849 г. он написал письмо оренбургскому военному губернатору, что был ограблен кокандцами и желает вновь навсегда остаться в российских пределах. Оренбургский военный губернатор назначил ему места для кочевания, однако в 1850 г. Байкадам ограбил казахов Сибирского ведомства и откочевал из русских пределов в Каракумы на урочище Уч-узек. Там он погиб в схватке с враждебным ему подродом кичкене-чиклинцев. Тогда его сын Сеил и родственник Бухарбай вызвали из кокандских крепостей Ак-Мечеть и Кош-Курган помощь против кичкене-чиклинцев. Кокандцы, ограбив чиклинцев, отправились домой, но выступивший из Аральского укрепления русский отряд разбил их возле крепости Кош-Курган, взял ее штурмом и захватил начальника Мирзу Раима с семейством [16, л. 2 об.].

Таким образом, русские отстаивали права и безопасность местных казахов, старались привлечь их на свою сторону и тем самым добиться перевеса в противостоянии со среднеазиатскими государствами.

Плененный начальник Кош-Кургана на допросе показал, что мстить за Байкадама из крепости вышли 10 кокандцев и 700 подвластных Коканду казахов под началом бия Бухарбая. Около урочищ Казалы и Арык-Балык они отняли у подданных России казахов 15 тыс. баранов, 150 верблюдов, 50 коров и 200 лошадей, а также разного имущества на 403 582 руб. серебром. В феврале 1851 г. новый отряд подчинявшихся Коканду казахов в количестве до 900 человек ограбил подданных России казахов торткаринского, чумекеевского и чиклинского родов, причем многих из них убили [16, л. 2 об.].

Однако кокандское правительство, не желая в тот момент втягиваться в конфликт с Россией, решило наказать приверженцев Байкадама. Вот по этой-то причине, как выяснилось, его сын Сеил и родственник Бухарбай просили укрытия в российских пределах [16, л. 6]. ОПК решила не давать никакого ответа на обращение Сеила, но потребовала от него возместить ограбленным казахам все убытки [16, л. 7].

На практике получалось так, что многие казахи принимали подданство то одного, то другого государства, ища временных выгод. Связано это было и с тем, что места их кочевания (зимние и летние кочевки) находились в разных государствах. Так, казахи адаевского рода, кочевавшие зимой в окрестностях Ново-Петровского укрепления, весной откочевывали на восток — за горы Каратау и далее в хивинские пределы за 500 верст от укрепления. Близ Ново-Петровского оставались только самые бедные. Эти адаевцы вели с Хивой меновую торговлю, занимались перевозкой товаров из этого укрепления в Хиву и обратно. Они платили хивинскому хану подать в размере 600 червонцев и по этой причине отказывались платить кибиточный сбор русскому правительству [18, л. 1].

В 1853 г. от султана-правителя Западной части Орды был прислан к ним для взимания кибиточного сбора султан Кужаманар Каип-Галиев. Адаевцы отказались платить сбор, выказав недоверие посланнику. К тому же они сообщили, что к ним прибыл посла-

нец хивинского хана Даир-ходжа, который запретил адаевцам платить подать русским [18, л. 1 об.].

Боясь гнева хана, адаевцы отказались платить кибиточную подать русским в размере 1200 баранов. Впрочем, некоторые казахи утверждали, что приезд Даира-ходжи был выдуман. Посланцы коменданта Ново-Петровского укрепления майора Ираклия Ускова также не нашли хивинского посланца в адаевских аулах [18, л. 2]. В этой связи Усков предложил для взимания кибиточного сбора прислать ранней весной к укреплению казачью команду числом в 20 урядников и переводчика для содействия сборщикам. Старшины адаевцев сообщили коменданту, что для них будет необременительно платить и хану, и русскому правительству, и что они при содействии казаков могут успешно взять кибиточный сбор. По их убеждению, если рядовые адаевцы сомневались в том, что султан Каип-Галиев полностью передаст этот сбор русским, то присутствие честных русских казаков их в этом убедит [18, л. 2 об.].

В русских пределах насчитывалось до 15 тыс. юрт адаевцев, но они кочевали почти на самой юго-западной границе русских владений с Хивой, что давало им надежду на безнаказанность за неуплату кибиточного сбора [18, л. 4 об.]. В этой связи ОПК предложила оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В. А. Перовскому (он получил эту должность в марте 1851 г.) заставить платить адаевцев, прибывавших на русские меновые дворы, по 1 руб. 50 коп. серебром с каждого верблюда, а при отсутствии наличных денег брать в уплату большого барана [18, л. 5 об.].

В итоге решили взимание кибиточного сбора возложить целиком на местных казахских начальников. Примечательно, что никаких карательных экспедиций против адаевцев не отправили [18, л. 105 об.].

С наступлением 1850-х гг. стратегия России в Центральной Азии приобрела характер решительного наступления на Кокандское ханство. Знаковым событием этого периода стало взятие штурмом кокандской крепости Ак-Мечеть В. А. Перовским в 1853 г. Впоследствии это укрепление было переименовано в форт Перовский. Событие имело стратегическое значение: оно позволило России установить контроль над ключевыми караванными путями и водными артериями, ведущими в глубь Средней Азии, в том числе открыла прямые выходы к Хиве. Весомые успехи русского оружия заставили хивинские власти проявлять осторожность и избегать открытого столкновения. В ответ на неоднократные призывы кокандского правителя о помощи хивинский хан ограничился посылкой девяти верблюдов со свинцом и порохом [21, л. 2].

Для продвижения в регионе российская администрация активно задействовала казахскую знать. Так, султан Илекей Касымов, пришедший на русскую службу из Хивы, по приказу В. А. Перовского 28 июля 1853 г. написал письмо правителю Ак-Мечети Мухаммед Кулы-беку, в котором ввел его в заблуждение о деталях похода русских на эту крепость [26]. Письмо представляло собой информационно-психологический маневр губернатора Перовского. Вот, что написал Илекей: «Оренбургский губернатор уже выслал часть войск, чтобы взять Ак-Мечеть. Я, по необходимости, вынужден следовать вместе с ним в сопровождении нескольких своих людей. Однако замечу, что в этом году русских солдат гораздо меньше, чем в прошлом. Их положение сейчас незавидное: трава на Сырдарье еще не выросла, лошади едва идут от голода, а продовольствия у них совсем мало. Если вы надежно укрепите крепость и проявите твердость, русские не смогут долго осаждать вас и будут вынуждены отступить через несколько дней» [26, л. 2].

Совет Илекея «биться до последней капли крови» лишил кокандцев шанса на переговоры: «А когда губернатор обратится к вам с прямым вопросом “Сдадите ли вы крепость добровольно или намерены сопротивляться?”, отвечайте ему максимально жестко. Заяв-

ляйте без колебаний, что будете сражаться до последней капли крови и живыми русским никогда не сдадитесь. Такой ответ, безусловно, напугает русских. Они решат, что в крепости сосредоточены огромные силы и вы готовы к долгой обороне. Они отступят, особенно если вы добавите, что к вам на подмогу из Ташкента и Туркестана уже движется многочисленное войско (силы уже в пути). Обязательно передайте эти слова русским при переговорах» [26, л. 4].

Итак, ложные обещания масштабных подкреплений, изложенные в письме Илекея Касымова, заставили гарнизон Ак-Мечети оставаться внутри крепости в пассивном ожидании, что упростило задачу российским войскам. Защитники Ак-Мечети поверили в скорую помощь и в слабость русских, отказались от переговоров и были разгромлены в ходе кровопролитного штурма. Итогом операции В. А. Перовского стало падение цитадели 28 июля 1853 г. и создание Сырдарьинской линии русских укреплений.

Отсутствие обещанной помощи со стороны Хивы окончательно дискредитировало Коканд в глазах казахов и закрепило за Ак-Мечетью статус ключевого форпоста Российской империи в регионе под именем форта Перовский [8].

Незадолго до падения Ак-Мечети Перовский направил хивинскому правителю официальное послание. В нем подчеркивалось, что карательные меры против Коканда являются внутренним делом России и не затрагивают интересы Хивы, пока та придерживается нейтралитета. Хивинцам было указано: любое вмешательство в этот локальный конфликт будет означать разрыв мирных договоренностей [21, л. 3].

Однако за фасадом нейтралитета Хивы по-прежнему скрывалась вражда. Оренбургская администрация отдавала себе отчет в том, что, формально сохраняя мир, ханство продолжало вести скрытую подрывную деятельность. Хива дестабилизировала обстановку в казахской степи, направляя лазутчиков и сборщиков зякета, которые провоцировали казахов на фанатичную вражду против русских, обещали военную поддержку в случае начала мятежа [21, л. 7].

В декабре 1856 г. в форт Перовский пришел сбежавший из кокандской крепости Яны-Корган ранее захваченный кокандцами в плен казахский бий рода кыпчак Турман Урунбаев. Он сообщил, что старший брат кокандского хана Мелля-бий помирился с братом и назначен правителем в один из городов. Кокандцы собираются напасть на казахское племя кыпчаков весной 1857 г., пройдя из Туркестана на реку Чу и оттуда на Мойынкумы по дороге к Оренбургскому укреплению. Туркестанский бек требовал от кыпчаков уплаты зякета, обещав за это их не грабить [19, л. 2]. Поэтому кыпчаки обратились с просьбой к ОПК разрешить им его заплатить. Дело в том, что кокандцы, надеясь на получение зякета, разрешили подвластным им казахам, кочевавшим у Яны-Коргана, привозить и продавать просо, пшеницу, муку подвластным России казахам. Без этого привоза многие российские казахи вынуждены были бы откочевать в кокандские владения или умереть голодной смертью [19, л. 2 об.].

В ответ на эту просьбу Перовский распорядился о создании продовольственных запасов для кочующих близ Сырдарьи казахов, заготовках хлеба за счет собираемого с них кибиточного сбора и раздачи его казахам с условием возврата в урожайные годы [19, л. 3]. Не дожидаясь постройки и заполнения продовольственных складов, ОПК начала выдавать казахам, разоренным от набегов кокандцев, муку, хранившуюся в форте Перовском для русского гарнизона [19, л. 3 об.]. Кроме того, русские власти закупили для обедневших казахов муку и зерно у бухарских торговцев [19, л. 16]. Для разоренных кокандскими набегами казахов также создали запасы продовольствия в Уральском, Оренбургском укреплениях, форте № 1 [19, л. 19]. Всего для выдачи казахам собрали запасов хлеба и муки на сумму 5584 руб. серебром [19, л. 19 об.].

При этом русские не прекращали усилий по преодолению междоусобиц в степи. Так, комендант Ново-Петровского укрепления (в 1857 г. переименовано в Форт-Александровский, сейчас город Форт-Шевченко в Казахстане. — *И. П.*) майор Ираклий Усков, чтобы предотвратить наступающий обычно вследствие усобиц голод, неустанно мирил враждовавших казахов и туркмен икдырского и юмудского родовых подразделений. Он оповестил туркмен, чтобы они согласились по взаимному удовлетворению примириться с казахами и дали ему знать, когда и в каком месте они желают собраться для разбирательства [20, л. 1 об.].

3 августа 1857 г. Усков послал к кочевавшим близ укрепления абдальского рода туркменам бека Атаназара Джаналиева, которому вручил бумагу на имя почетнейших биев и старшин вышеозначенных туркмен. Однако поскольку часть их кочевков находились на территории Хивы, ответа он не получил. Тогда комендант подключил к примирению духовного главу мангистауских туркмен ишана Махсула Нурмухамеда. После этого примирение состоялось [20, л. 2].

В середине XIX столетия Петербург окончательно признал бесперспективность попыток мирного урегулирования отношений с Хивой. Начались активные боевые действия, стратегической целью которых стало замыкание Оренбургской и Западносибирской пограничных линий. Ключевым вектором продвижения был выбран выход на рубеж Туркестан — Чимкент — Аулие-Ата (ныне Тараз), т.е. завоевание кокандских крепостей, построенных на казахской земле. Признав присырдарьинских казахов своими подданными и считая защиту их от кокандцев своей прямой обязанностью, русское правительство таким образом использовало казахский фактор в войне с Кокандом [6, с. 128].

Особое место в обеспечении лояльности казахов занимает деятельность преемника Перовского — генерал-губернатора А. А. Катенина. В отличие от своих предшественников он делал ставку на дипломатию и личное обаяние. По свидетельству современников, его миролюбивый подход позволил завоевать доверие не только простых кочевников, но и той части степной аристократии, чья враждебность к русским считалась непреодолимой. Катенин привечал кочевую знать в своем доме в Оренбурге и сам гостил в казахских кочевьях. Там, где Перовский тщетно пытался действовать силой, Катенин достигал успеха без видимого давления. Наглядным подтверждением эффективности его «мягкой силы» стало примирение с мятежным батыром Исетом Кутебаровым. Этот народный лидер, три десятилетия державший русских в напряжении, окончательно присягнул России, будучи покорен исключительно благородством и миролюбием Катенина [31, с. 181].

В декабре 1858 г. генерал-губернатор Катенин представил детальную программу наступательных действий, где приоритетным объектом значилось Кокандское ханство. План включал захват крепости Джулек, усиление Аральской флотилии и методичное продвижение к Ташкенту. Важнейшим звеном в достижении этой цели была задача принятия кокандскими казахами российского подданства [30, с. 131].

Ключевым событием этого периода стало сражение под Узун-Агачем в 1860 г., где ограниченный российский контингент (порядка 700 человек) сумел нанести поражение значительно превосходящим силам кокандцев (до 20 тыс. человек). Победа имела стратегическое значение, устранив угрозу доминирования Коканда в регионе и де-факто открыв путь для продвижения России в Семиречье [30, с. 223].

Весенняя кампания 1864 г. продемонстрировала высокую степень координации действий различных войсковых групп. 22 мая из форта Перовский выступил отряд полковника Николая Веревкина (свыше 1,5 тыс. человек), усиленный сотней казахских проводников. Одновременно с ним из Верного выдвинулся трехтысячный отряд полковника Михаила Черняева, в составе которого находилось около 400 казахов, хорошо знавших мест-

ность. Особого внимания заслуживает участие в этой экспедиции штаб-ротмистра Чокана Валиханова — кадрового российского офицера, разведчика и одновременно представителя чингизидской аристократии [28, с. 324].

К середине 1864 г. под контроль империи перешли ключевые узлы региона — Аулие-Ата, Туркестан и Чимкент. Успеху русских способствовал острый внутривосточный кризис в Кокандском ханстве. Подозрения хана Алимкула в неблагонадежности подвластных ему кыпчаков привели к серии репрессий против них. Казни родоправителей спровоцировали обратную реакцию: массовый переход казахских общин под покровительство российской администрации. Это значительно упростило задачу закрепления империи на новых территориях [28, с. 325].

Кульминацией кампании стало взятие Ташкента — крупнейшего экономического и политического центра региона. Действуя в условиях обострения кокандско-бухарского конфликта и осознавая риск захвата города Бухарским эмиратом, генерал М. Черняев решился на штурм, не дожидаясь официальной санкции из Петербурга. В июне 1865 г. его двухтысячный отряд овладел городом, который вскоре стал административным центром новообразованной Туркестанской области. Русские в этой кампании старались действовать быстро и решительно, чтобы здесь не повторился сценарий затяжной и трудной Кавказской войны, которая длилась 47 лет [28, с. 328].

Завершающим этапом присоединения к России новых территорий стало учреждение в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства под руководством К. П. фон Кауфмана. Данное административно-территориальное преобразование ознаменовало начало системной интеграции региона в имперское пространство.

Заключение

Анализ архивных документов показывает, что Россия десятилетиями пыталась действовать в рамках политики «великодушного снисхождения» к агрессивным устремлениям центральноазиатских государств. Однако, когда справедливые требования России грубо отвергались, дипломатия превращалась в слабость, провоцирующую агрессора.

В ходе исследования было установлено, что продвижение России в Центральную Азию в XIX веке не являлось военным поглощением территорий. Это была сложная социально-политическая интеграция, успех которой во многом обеспечивался механизмами вовлечения казахов в пространство империи.

Россия использовала авторитет чингизидов и родоправителей из простых казахов, трансформируя его в чиновничьи должности. Через систему султанов-правителей и дистантных начальников (как в случае Баймухамеда Маяева) происходила конвертация сакральной степной власти в административный ресурс империи. Султаны и родоправители получали от России внешнюю силу (признание, жалованье, медали) для укрепления внутренней власти над родами. Межродовая вражда казахов, формально признававших подданство России, и групп, тяготевших к Хиве, интерпретировалась Оренбургской администрацией как нарушение безопасности подданных. Это позволяло переводить степные конфликты в плоскость межгосударственного военного противостояния, где ввод войск в глубь степи считался актом защиты.

Наиболее ярко этот механизм проявился в деятельности русских агентов влияния (Илекей Касымов). Используя общее культурное и религиозное поле с противником, такие деятели проводили операции по его дезинформированию. Навязав кокандским правителям заведомо проигрышную стратегию «бескомпромиссности», имперская власть лишила противника маневра, создала условия для решительного штурма (взятие Ак-Мечети в 1853 г.).

Казахи Малой орды выступали в российской политике критически важным звеном — поставщиками транспортных ресурсов (верблюжьих караваны, лошади) и носителями уникальных знаний о ландшафте (проводники-топографы).

События 1857 г., когда Перовский закупал хлеб у бухарцев для разоренных кокандцами казахов, на наш взгляд, не позволяют говорить о циничной эксплуатации Россией местного населения для продвижения в Центральную Азию. В глазах кочевников империя стала легитимной, когда она кормила их в голодные годы, защищала и мирила. Россия втягивалась в регион по просьбе самих казахов (бии адаевского рода, 1848 г.), которые искали защиты от непосильного хивинского зякета, грабежей и рабства. Защита интересов казахов стала для России прямой обязанностью.

Также имперскую экспансию тех лет можно рассматривать как форму экономической самообороны. Если торговые пути блокировались «ножом и кандалами», государство обязано было их разблокировать «мечом». Установление контроля над Ак-Мечетью и Ташкентом стало единственным способом достижения мира в степи и развития торговли.

Использование Россией казахов в военных операциях не было манипуляцией интересами местного населения. Это был союз сторон, имевших общего врага. Хива, грабившая чумекеевцев и адаевцев, Коканд, расправлявшийся с кыпчаками, толкали казахов в объятия России. Успех империи был определен тем, что ее цели совпали с жизненными интересами большинства казахов.

В то же время поражение Перовского в 1839 г. частично из-за противодействия казахских родов стало уроком: власти поняли, что без реальной лояльности казахов успеха не будет.

Продвижение России в Центральную Азию было болезненным, дорогостоящим и часто трагическим процессом, в котором империя не была невинной жертвой, но выступала как сила, прекращающая хаос на своих южных границах и в казахской степи.

В 1867 г. Российская империя завершила формирование каркаса власти в Центральной Азии именно благодаря тому, что смогла превратить казахский фактор из угрозы восстаний в своем тылу в главный инструмент продвижения.

Предложенная концепция вынужденной стабилизации, на наш взгляд, объективна, потому что она не делает из России бескорыстного спасителя, так как имел место геополитический интерес. Однако она и не делает из России циничного захватчика, что подтверждается фактами защиты местного населения и реального вреда казахам со стороны ханств. Такой подход учитывает и активную волю самих казахов, которые шли на союз с Россией ради физического выживания и возможности развития.

Список источников

1. Аллворт Э. Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2016. 383 с.
2. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20—40-е годы XIX века. Алма-Ата : Казак университети, 1992. 400 с.
3. Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения / под ред. акад. А. Х. Маргулана ; Акад. наук Каз. ССР. Алма-Ата : Казгослитиздат, 1958. 643 с.
4. Васильев Д. В. Российско-хивинские отношения после похода генерала В. Перовского и планы Российской империи по закреплению на восточном берегу Каспийского моря. 1840—1864 гг. // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. 2023. № 3 (51). С. 22—37. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.02.
5. Иванин М. И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839—1840 году. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1874. 268, II с.
6. Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. 128 с. (Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 7).

7. Кочнев А. В. Политика России в отношении хивинского ханства в начале XVIII — второй половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 215 с.
8. Марюткин В. В. Поход В. А. Перовского на Ак-Мечеть в 1853 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 436—442.
9. Махкамов А. Торговые отношения Коканда с Россией во второй половине XIX века // Общественные науки в Узбекистане. 1987. № 3. С. 55—57.
10. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 1906.
11. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3897.
12. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 4371.
13. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 6009.
14. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 6432.
15. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 6518.
16. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 6751.
17. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 7033.
18. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 7112.
19. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 7185.
20. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 7265а.
21. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 7359.
22. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М. : Красная новь, 1923. 392 с.
23. Почekaев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII—XIX вв. Часть 2: Казахские ханы — вассалы Хивы // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. 2023. № 3 (51). С. 142—154. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.10.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. Ф-1. Оп. 1. Д. 6013.
25. РГВИА. Ф. Ф-1. Оп. 1. Д. 12188.
26. РГВИА. Ф. Ф-1021. Оп. 1. Д. 106.
27. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Составил полковник А. Г. Серебренников. Т. 2. Ташкент : Тип. штаба Туркестанского военного округа, 1912. 262 с.
28. Темиргалиев Р. Казахи и Россия. Алматы : [б. и.], 2019. 402 с.
29. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб. : Типо-лит. В. В. Комарова, 1903. 510 с.
30. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество 1857—1876 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1961. 238 с.
31. Юдин П. Л. Из воспоминаний о А. А. Катенине // Русская старина. 1897. № 1. С. 177—190.
32. Hopkirk P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. Kodansha USA, 1994. 596 с.

References

1. Allvort E. *Rossiya: proryv na Vostok. Politicheskie interesy v Srednei Azii. Per. s angl. L. A. Igorevskogo* [Russia. Breakthrough to the East. Political Interests in Central Asia. Transl. from English by L. A. Igorevsky]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 383 p. (In Russian)
2. Bekmakhanov E. B. *Kazakhstan v 20—40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 1820s—1840s]. Alma-Ata, Qazaq universiteti Publ., 1992. 400 p. (In Russian)
3. Valikhanov Ch. Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Alma-Ata, Kazgoslitizdat Publ., 1958. 643 p. (In Russian)
4. Vasil'ev D. V. Rossiisko-khivinskie otnosheniya posle pokhoda generala V. Perovskogo i plany Rossiiskoi imperii po zakrepleniyu na vostochnom beregu Kaspiiskogo morya. 1840—1864 gg. [Russian-Khiva relations after the trip of 1839—1840 and plans of the Russian Empire to establish an outpost on the Eastern coast of the Caspian Sea. 1840—1864]. *Vestnik MGPU. Ser. Istoricheskie nauki — MCU Journal of Historical Studies*, 2023, no. 3 (51), pp. 22—37. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.02. (In Russian)
5. Ivanin M. I. *Opisanie zimnego pokhoda v Khivu v 1839—1840 godu* [Description of the Winter Campaign in Khiva in 1839—1840]. St. Petersburg, Tip. T-va “Obshchestvennaya pol’za” Publ., 1874. 268, II p. (In Russian)
6. Ivanov P. P. *Kazakhi i Kokandskoe khanstvo (K istorii ikh vzaimootnoshenii v nachale XIX v.)* [Kazakhs and the Kokand Khanate (On the history of their relations at the beginning of the 19th century)]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1939. 128 p. (Zapiski Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR [Notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 7). (In Russian)
7. Kochnev A. V. *Politika Rossii v otnoshenii khivinskogo khanstva v nachale XVIII — vtoroi polovine XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Russia’s policy towards the Khiva Khanate at the beginning of the 18th — second half of the 19th century. Cand. Dis.]. Yekaterinburg, 2018. 215 p. (In Russian)

8. Maryutkin V. V. Pokhod V. A. Perovskogo na Ak-Mechet' v 1853 godu [Perovsky's campaign to the Ak Mosque in 1853]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya — Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 436—442. (In Russian)
9. Makhkamov A. Torgovye otnosheniya Kokanda s Rossiei vo vtoroi polovine XIX veka [Trade relations between Kokand and Russia in the second half of the 19th century]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social sciences in Uzbekistan]. 1987, no. 3, pp. 55—57. (In Russian)
10. *Ob'edinennyy gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg Region] (OGAOO). F. F-6. Op. 10. D. 1906.
11. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 3897.
12. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 4371.
13. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 6009.
14. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 6432.
15. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 6518.
16. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 6751.
17. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 7033.
18. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 7112.
19. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 7185.
20. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 7265a.
21. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 7359.
22. Pokrovskii M. N. *Diplomatiya i voiny tsarskoi Rossii v XIX stoletii* [Diplomacy and wars of tsarist Russia in the 19th century]. Moscow, Krasnaya nov' Publ., 1923. 392 p. (In Russian)
23. Pochekaev R. Yu. Khivinskii faktor rossiisko-kazakhskikh otnoshenii v XVIII—XIX vv. Chast' 2: Kazakhskie khany — vassaly Khivy [The Khivan factor of Russian-Kazakh relations in 18th—19th centuries. Part II: Kazakh khans as vassals of Khiva]. *Vestnik MGPU. Ser. Istoricheskie nauki — MCU Journal of Historical Studies*, 2023, no. 3 (51), pp. 142—154. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.10. (In Russian)
24. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA). F. F-1. Op. 1. D. 6013.
25. RGVIA. F. F-1. Op. 1. D. 12188.
26. RGVIA. F. F-1021. Op. 1. D. 106.
27. *Sbornik materialov dlya istorii zavoevaniya Turkestanskogo kraia. Sostavil polkovnik A. G. Serebrennikov. T. 2* [A collection of materials for the history of the conquest of the Turkestan region. Compiled by Colonel A. G. Serebrennikov. Vol. 2]. Tashkent, Tip. shtaba Turkestanskogo voennogo okruga Publ., 1912. 262 p. (In Russian)
28. Temirgaliev R. *Kazakhi i Rossiya* [The Kazakhs and Russia]. Almaty, 2019. 402 p. (In Russian)
29. Terent'ev M. A. *Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. T. 1* [History of the conquest of Central Asia. Vol. 1]. St. Petersburg, Tipol.-lit. V. V. Komarova Publ., 1903. 510 p. (In Russian)
30. Khalfin N. A. *Politika Rossii v Srednei Azii i anglo-russkoe sopernichestvo 1857—1876 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Russia's policy in Central Asia and the Anglo-Russian rivalry 1857—1876. Dr. Dis.]. Moscow, 1961. 238 p. (In Russian)
31. Yudin P. L. Iz vospominanii o A. A. Katenine [From the memories of A. A. Katenin]. *Russkaya starina*, 1897, no. 1, pp. 177—190. (In Russian)
32. Hopkirk P. *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia*. Kodansha USA, 1994. 596 p.

Информация об авторе

И. Р. Прохоров — кандидат исторических наук, научный сотрудник

Information about the author

I. R. Prokhorov — Candidate of Historical Sciences, Researcher

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 04.06.2026;
принята к публикации 20.08.2026

The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 04.06.2026;
accepted for publication 20.08.2026